

Тая Вунтер

Тая Винтер

**Фруктовое мороженое
для Призрака**

«Автор»

2026

Винтер Т.

Фруктовое мороженое для Призрака / Т. Винтер — «Автор»,
2026

Мой 11 класс начинается с катастрофы. И так репутация на нуле, а тут ещё строгий препод поручает мне организовать главное школьное событие осени – Хэллоуин! И ставит в пару новичка, Артёма Зацепина. Этот невыносимый тип в первый же день умудрился облить меня кофе, занять моё место в классе и въехать в соседнюю квартиру. Моя отдушина в этом безумии – интернет-друг с ником Призрак. С ним мы играем в игры, переписываемся обо всём на свете, идеально понимаем друг друга...И я не подозреваю, что Призрак, в которого я влюбляюсь на расстоянии, и бесячий сосед-одноклассник – один и тот же человек!

© Винтер Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Пельмень, синдарин и 1 сентября на прочность	6
Яна	6
Глава 2. Как нажать врага за 40 минут	9
Яна	9
Глава 3. Нанами, барбарис и Хэллоуин	13
Яна	13
Яна	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тая Винтер

Фруктовое мороженое для Призрака

Глава

Тая Винтер

Фруктовое мороженое для Призрака

Глава 1. Пельмень, синдарин и 1 сентября на прочность

Яна

Есть три вещи, способные превратить утро первого сентября в локальный апокалипсис. Номер один – осознание, что ты одиннадцатиклассница. Номер два – кофе, пролитый на белую блузку. Номер три – кот по кличке Пельмешек.

– Пельмень, отдай! – Я снова пытаюсь выковырять из-под дивана пушистый ком, с урчанием жующий мою заколку. – Это же подарок тёти Эли! Я и так иду в школу, как на эшафот! Ты хочешь, чтобы я на нём выглядела как городская сумасшедшая?!

Пельмешек шипит, как кобра, и забивается глубже в поддиванные недра.

Пельмешек – кот-истерик, у него было трудное детство. Теперь он воспринимает как акт агрессии любое изменение в привычных буднях – например то, что хозяйка проснулась по будильнику и забежала по квартире в белой блузке.

Слышу звонок в дверь, это наверняка Алтана, но я не могу сейчас вылезти из-под кровати. Отец или Тома откроют.

– Ну ты там где? – раздаётся голос Алтаны из-за двери через минуту.

– Бегу! – я оставляю заколку-трофей Пельменю и выскакиваю в коридор. Влезаю в туфли, не даю коту выскочить из квартиры на лестничную клетку, коротко машу папе, и мы с Алтаной оказываемся снаружи.

Подруга выглядит как человек, которого не до конца разбудили. Ее косички растрепаны, а сумка, кажется, вот-вот порвется. И чего она туда напихала, спрашивается.

– Hwaet, – здоровается со мной Алтана. – Suilad Siron!

– А ты можешь по-человечески разговаривать? – бурчу я, закрывая квартиру.

За дверью Пельмешек, кажется, пошёл в наступление на миску корма.

– Могу. Туох сонун?

Я закатываю глаза.

– А по-русски?

– Ну так сказала бы сразу что по-русски, а то – по-человечески! Я и говорю по-человечески, например, по-якутски!

Вот мне бы такие лингвистические способности! Я английский не могу нормально освоить, а Алтана за лето выучила язык эльфов («и не один, а оба»). А по-якутски ее родители научили разговаривать. Но английский Алтана тоже плохо знает – и даже перспектива читать своего любимого Толкина в оригинале ситуацию не спасает.

Всё, что я знаю о «Властелине Колец» и эльфах, я знаю против своей воли.

То, что Пельмешек за дверью надрыгается, тоже вина Алтаны, кстати.

На лето у меня не было никаких особенных планов, но подруга, ведомая якутскими духами и эльфийской магией, не дала мне ни дня на скуку. Она таскала меня по заброшкам и лесопаркам, один раз мы даже заблудились, потому что Алтану вечно тянет в какие-то пустыри. И вот посреди июля, в очередной раз оказавшись в непонятных зарослях, мы наткнулись на Пельмешка.

Котёнок сидел под ёлкой в лесополосе, был маленький, грустный и очень одинокий. Алтана немедленно объявила, что это её фамилльяр, и, несмотря на предостережения – а вдруг болеет? – поместила котёнка в сумку и отправилась с ним домой.

Через полчаса Алтана стояла под моей дверью, держа в охапке Пельмешка.

– Он будет жить у тебя, – безапелляционно сказала подруга. Пельмешек, кажется, был не против, потому что тут же шмыгнул ко мне в комнату и затаился под диваном. – Ну не смотри на меня так! Мне родители не разрешили!

– А мне, думаешь, разрешат?!

Подруга сделала жалобные глаза. Уверена, приглядевшись, в тот момент можно было увидеть, как тараканы в её подруги кидают кубики на убеждение.

И успешно, потому что кота я всё-таки взяла. «Временно!»

Вот так я стала Пельмешку как мать, а Алтана – как папа выходного дня: появлялась с вкусняшками пару раз в неделю и регулярно заявляла: «Это мой кот, он поедет со мной на полигон!»

В середине августа подруга уехала на Кавказ, даже не вспомнил про кота.

Конечно, куда Пельмешек не поехал бы – он теперь совсем домашний.

У перекрестка Алтана поворачивает к своей школе, обняв меня на прощание и шепнув на ухо что-то непере译имое (возможно, пожелала, чтобы мои стрелы разили без промаха). А я иду дальше – навстречу своему личному Первому кругу адика.

Наша творческая гимназия – экспериментальная, таких по стране всего несколько. Сюда приходят учиться те странные люди, которые с детства уверенно отвечают на вопрос «Кем хочешь стать, когда вырастешь?»

Кто-то хочет проектировать жилые кварталы, кто-то мечтает снимать кино, или быть маркетологом, или сценаристом. Кто-то будущий айтишник. Да, у нас есть группа разработчиков игр, к ним иногда приезжают преподаватели со студий, все в татуировках, и никто их даже руки прикрыть не просит.

До девятого класса у нас была полноценная общеобразовательная программа плюс творческие дисциплины: считается, что все мы должны получить минимальную базу по всем областям. Так что все изучают основы дизайна, продюсирование, медиа, урбанистику, драматургию и ещё кучу вещей, которых в обычных школах не бывает.

Попасть в такую гимназию, как наша, можно хоть с первого класса, хоть с одиннадцатого: нужно пройти вступительные тесты, собеседование и показать, что ты действительно в теме своей области и способен здесь учиться.

Кованые тяжёлые ворота открыты настежь. Сразу за ними – мощёный двор, заставленный скамейками, дизайнерскими уличными пуфами и деревянными кубами, которые ученики постоянно таскают с места на место. У забора – скромная шеренга самокатов и электровелосипедов, над крыльцом – предмет гордости директора, огромный светодиодный экран. На нём крутятся анонсы школьных проектов, ролики учеников и обратный отсчет до главных ивентов сезона.

Пахнет летящими паутинками, прелой листвой, кофе из ближайшей кофейни и легким понторезством.

У ворот гимназии меня ждёт Лика.

Выглядит она, как с обложки журнала про юных и успешных: идеально сидящий жакет и юбка-миди, каштановые волосы волнами и улыбка, способная растопить арктические льды.

Лика была единственной, кто не осудил меня весной.

– Янчик! – Подруга подхватывает меня под локоть, обдавая запахом Le Labo The Matcha 26 – модный зелёный чай и что-то тёпло-свежее. – Ну как ты? Готова?

– Как Пельмень к поездке в ветклинику, – бормочу я.

– Так, держись за меня! Если кто-нибудь попробует тебя укусить, я вступлю за тебя в бой! Я встану рядом с тобой и буду делать страшное лицо, я вызову негодяя на дуэль! – шепчет Лика, крепко держа меня под руку. – Правда, у меня нет опыта, но очень много энтузиазма... А вообще, знаешь, они уже всё забыли. Сколько времени прошло!

Мы проходим мимо скамеек, пуфов и афиш, поднимаемся на три ступеньки, входим в холл... и гул голосов тут же стихает. Полностью. Как будто нажали кнопку Mute.
Естественно, никто ничего не забыл.

Глава 2. Как нажать врага за 40 минут

Яна

Я никогда не считала себя особо привлекательной. До старших классов, когда гадкий утёнок вдруг отрастил волосы, ресницы и ноги, преодолел пубертатные прыщи и начал одеваться не как дите малое.

Вдруг выяснилось, что я вполне себе привлекательна. Выяснила я это, разумеется, от сверстников и некоторых ребят из одиннадцатых классов. Некоторые всерьёз прочили меня на место Королевы выпускного.

Хотя сама я считаю, что это место за моей холеной и лучистой подругой – Ликой. Она ярче меня, остроумней меня, и ещё у её семьи есть суперсила – деньги. Вот уж у кого действительно, была я уверена, есть все шансы стать Королевой бала! Либо Лика, либо Ева Крылова – звезда параллели.

«Я, конечно, видела твоих Лику-Еву только в соцсетях, но королева – ты, – говорила Алтана, заплетая мне маленькие эльфийские косички. – Когда я наконец вытащу тебя на полигон, нарядим тебя Галадриэлью! Хотя нет, ты, скорее, Лютиен»...

Но самое важное для меня, конечно, не красота Лики, а её верность. Подруга была единственной, кто железобетонно встал на мою сторону прошлой весной, когда произошла та отвратная история.

На новогодней вечеринке я вдруг приглянулась однокласснику – Матвею Рогову. Это был тихий, мечтательный парень, кудрявый и добродушный. И таскался он за мной тоже тихо и деликатно. Иногда угощал кофе, иногда печеньем. Я по наивности не сообразила, что к чему. И вообще не придавала значения, ведь он вёл себя дружелюбно и с другими ребятами.

Но на восьмое марта Матвей, к сожалению, что-то для себя решил и перешел в наступление.

Он написал записку прямо на праздничной открытке с ландышами и положил ее на мою парту. Только некто сыграл с ним дурную, обидную шутку. Когда я вернулась с перемены на урок и развернула злополучный клочок бумаги, то увидела там набор оскорблений из прошлой жизни Яны – гадкого утенка. «Доска», «мышь» и «бледная моль» уживались буквально в одном предложении, тщательно выведенном на мелованной бумаге.

Я в долгу не осталась. Весь урок копила в себе злость, как в бурлящем котле. А на перемене догнала Матвея Рогова в коридоре. После чего подробно и в красках объяснила ему, что думаю по поводу его в целом и его литературного таланта в частности. И чем дальше я втапывала его под плинтус своими доводами, тем пунцовее становились щеки несчастного пацана. Казалось, даже его кудряшки покраснели. Все это искристое безумие продолжалось до тех пор, пока Лика не прибежала на сей неравный баттл и не воскликнула:

– Боже, Янчик, там же просто любовная записка, ты чего!

Я осеклась на полуслове. Матвей смотрел в пол широко раскрытыми глазами, потом бежал, пригибая голову, и ему в спину ему долго неслись гогот на весь коридор. На меня же показывали, крутя пальцами у виска и перешептываясь.

После этого Матвей пару недель не показывался в школе, а потом перевелся в другую. А за мной закрепилась репутация мегеры и белки-истерички. Все быстро забыли, как потешались над ним, но хорошо запомнили, какой скандал учинила я якобы из-за любовной записки.

Открытка пропала с моей парты – кто-то её забрал, и я уже никому ничего не могла бы объяснить, даже если бы хотела.

Судя по реакции одноклассников сегодня, я по-прежнему белка-истеричка и мегера.

– Черный пиар – всё равно пиар, так ведь? – поднимает бровку Лика, утешительно глядя меня по плечу.

– Брось, Лик, – вздыхаю. – Я уже говорила, меня не интересует звание Королевы, герцогини и прочих баронов всея районной школы. Вот когда на тебя смотрят, как на ненормальную, это правда обидно, в титулы эти... Глупости!

– Не скажи, Янчик, – качает указательным пальчиком Лика и лезет в дизайнерскую сумочку за бумажными платочками. – Вот я бы не отказалась хотя бы от титула герцогини.

Мы смеемся, и Лика протягивает мне платочек. Я от души сморкаюсь и обещаю:

– Буду болеть за тебя.

– Да какое там болеть, – Лика печальным взглядом обводит класс. – Взглянуть не на кого! Кого Королем-то назначат, страшно подумать!

Не успевает она развить эту мысль, как Кать-Михална со свойственной ей кипучей энергичностью буквально вталкивает в класс двух новеньких и сама влетает следом, сияя, как фея Динь-Динь. Только вместо палочки у нее в руках фамильная указка, а сама Кать-Михална еще немного раздобрела за лето и теперь напоминает мешок фей Динь-Динь в объёме. Что не умаляет её фантастической харизмы и кипучей энергии, которую словно подчёркивает копна рыжих волос.

– Пожалуйста, минуточку внимания! Я рада объявить первый в этом году классный час и сообщить, что у нас сразу два новеньких!

Я, как и все прочие, замечаю симпатичную внешность новичков, мазнув по ним взглядом, но мне особо не до них. А вот Лика, напротив, сканирует каждого, как Терминатор, что-то для себя отмечает и мгновенно принимается строить глазки тому, что повыше.

Да, парень хорош. Высокий, плечистый, с правильными чертами лица, тёмные волосы подстрижены каскадом до плеч и стянуты в свободный полухвост. Сложением он напоминает Давида Микеланджело, только, к сожалению, одетого. Даже несмотря на строгую синюю форму, которая сидит на нем как деловой костюм владельца корпорации, новенький по имени Филипп Орлов производит впечатление парня, которому не чужд спорт, а именно таскание железа или, например, плавание.

Он недавно переехал в Москву. Кать-Михална что-то говорит о знаменательных фактах недолгой биографии Орлова, но, пока все девчонки затаив дыхание смотрят на его статную фигуру, а ребята ревниво и насмешливо цыкают на девчонок, я залипаю на втором новичке.

Это коротко стриженный шатен с не менее спортивной фигурой, шрамом на брови и таким пронзительным взглядом, что на минуту я забываю дышать. Рубашка его формы расстегнута на пару пуговиц, галстук ослаблен, а рюкзак он держит, забросив на плечо. Кать-Михална представляет его – Артём Зацепин. Он коротко кивает классу и отправляется занимать приглянувшееся свободное место. Не спрашивая, кто там сидел до него и придет ли хозяин в ближайшее время. Его новый сосед по парте тоже как-то сразу для себя решает: ну занял Артём Зацепин место и занял. Значит, надо ему. Пускай сидит.

От этого новичка веет напором, какой-то даже опасностью, и я вдруг думаю, что таких парней, как он, не могут звать Артёмами. Артём – имя для хороших ребят, очень контактных, позитивных и доброжелательных. А в Зацепине доброжелательности – как в медвежьем капкане. Я невольно хихикаю над этой мыслью.

– У Артёма ивент-специализация, – бодро заканчивает Кать-Михална, и все поворачиваются ко мне.

– О-о, твой конкурент! – восторженно шепчет Лика.

Наверное, слишком громко, потому что Зацепин поворачивается к нам и смотрит на меня, не мигая. Пара секунд, когда мы залипли друг на друга, показались невероятно долгими.

Я вижу, как парни из класса пожимают руки новичкам и думаю, что их быстро посвятят в историю падения моего (какого-никакого) авторитета при первой же возможности.

Так и случается, судя по громкому шепоту и театральной жестикуляции предателей-одноклассников. Я замечаю, как лицо Филиппа немного вытягивается, но он вдруг заинтересованно смотрит на меня и сочувственно кивает. Внезапно.

– Фил просто кра-аш, скажи-и, – дергает меня за руку Лика.

– Да, – рассеянно соглашаюсь я.

Лика вдруг отстраняется и после паузы выдает:

– Ну да. Я тоже так думаю, – слово «тоже» она красноречиво выделяет.

– Он весь твой, – я улыбаюсь подружке, шутливо толкая ее в бок.

– Ну спасибо, что разрешила! – хихикает та и шепотом добавляет, показывая свой телефон: – Катя говорит, отец Зацепина работает водителем у отца Орлова.

– О, так Орлов – важная птица, – хмыкаю я.

Тогда ничего удивительного, что Лика сразу западает именно на Филиппа. У подружки глаз-алмаз! Из любых предметов, занятий или людей она всегда сходу выбирает самое топовое, имбовое, дорогое.

Как обычно в начале года, после речей Кать-Михалны пришлось спуститься в библиотеку, получить гору учебных пособий и вернуться в класс.

После девятого у нас из обычных уроков остались русский, математика, история, иностранный язык, адаптированный курс обществознания с основами права и объединённый курс естественных наук, тоже адаптированный к нашим задачам. Освободившиеся часы заняли творческие дисциплины и проекты.

Стопка учебников и пособий тяжёленькая, предложу её папе вместо штанги, если дотащу до дома!

Я запинаясь о порожек, взмахиваю руками, и учебники разлетаются по полу с грохотом, который могли услышать на Камчатке. Кто-то, конечно, сразу начинает ржать, кто-то ойкает. Я было обрадовалась, что хоть не упала – моё падение кто-то остановил – и тут заметила, как по жилету растекается большое кофейное пятно. Рядом с обалделым видом стоит новенький, Артём Зацепин. В его руке стаканчик с кофе.

Видимо, он меня поддержал, чтобы я не упала, и заодно щедро плеснул на меня кофейку!

Когда только он успел спуститься к кофейному автомату? И зачем притащил кофе в класс?!

Вокруг радостно гогочут надо мной, в глазах обидно щиплет.

– Я... – новичок хочет что-то сказать, но я не слушаю.

– Это не конкурент! – восклицаю, обернувшись к подскочившей Лике. – Это обезьянка-тупай!

Тут же беру себя в руки. Ни к чему раздувать скандал, репутация главной истерички параллели и так моя.

Ох. Учебный день еще толком не начался, а мне уже хочется, чтобы поскорее наступил вечер. Мне срочно нужно написать Призраку. Жалобным капсом.

Призрак – мой... друг, наверное. Хотя мы никогда не виделись вживую, общаемся только в Сети и в играх, и мы познакомились только летом – но он мой настоящий верный друг. Умный, весёлый, смеётся над моими шутками и всегда готов меня выслушать. То есть прочитывать километры букв и написать в ответ что-нибудь поддерживающее.

Жаль только, что Призрак далеко, в Питере. Или это к лучшему? Иногда расстояние между нами убивает меня. А иногда мне кажется, что идеальная дружба возможна именно благодаря расстоянию и тому, что мы никогда даже не слышали голоса друг друга.

Так проще.

Но как обидно за жилет! Пятно, наверное, не отстирается! Пока кофе не просочился на рубашку, снимаю жилет, комом сую его в рюкзак и принимаюсь собирать учебники, сглатывая дурацкие слёзы.

Артём Зацепин делает шаг ко мне, но Лика решительно отодвигает его в сторону.
– Янчику надо помочь, а не мешать!
– Обезьянка-тупай, значит, – говорит Артём, а потом поворачивается и уходит.
Да уж! Сразу было ясно, что друзьями нам с Зацепиным не стать!

Глава 3. Нанами, барбарис и Хэллоуин

Яна

В классе пахнет, как в хорошем коворкинге: кожа, чуть нагретый пластик, эспрессо.

Вместо парт здесь – массивные столы тёмного дерева с розетками под ноутбуки, по стенам – схемы, планы, доски с мелками и маркерами. И афиши лучших прошлогодних проектов, разумеется.

Я вхожу в класс первой и застываю в дверях – по голове слегка бьет прошлогодними флешбэками. Так хорошо же всё было в десятом! И зачем Матвею втемяшилось строчить ту записку и всё портить! Почему он не написал в личку? Кто в наше время дарит бумажные открытки и пишет записки?

Ещё бы серенаду под окном запел, ну честное слово!

Ребята обтекают меня, заходя в класс. Обходят так технично, будто на мне висит табличка «Осторожно, окрашено».

Как говорится, без негатива, но.

Я наконец переступаю порог, Лика – за мной, и её тут же перехватывает Ева Крылова. Королева параллели, безупречная, загорелая, подтянутая – Алтана о таких девушках говорит «Прямо просит стрелу в колено».

– Ликуль, после школы на Шагала? Подхватчу тебя.

– Давай, – мило улыбается Лика. – Суперский жакет, тот самый?

Нет, Лика меня не предавала. Она филигранно балансирует: и рядом со мной, и в «верхней лиге», для всех своя, дружелюбная и милосердная. Со мной слопаёт бургер, с Крыловой поедет в «Клим» и будет жонглировать тремя видами вилок, кокетливо оттопыривая мизинчик.

Меня всегда это задевало, а в нынешнем положении – особенно, просто как ногтями по стеклу, но... глупо высказывать претензии к единственному человеку в классе, который открыто и явно на моей стороне.

У окна на мягком высоком пуфе уже устроилась Кать-Михална. Она частенько приходит к нам на занятия, если у неё выдаётся «окно». Спина прямая, на коленях – кожаный блокнот с вайбами деловитости, но устремлённый на трибуну взгляд – мечтательный.

На трибуне властвует Марк Львович – по-нашему, Нанами. Поджарый, плечистый, в сером лонгсливе и тёмно-серых костюмных брюках. Он что-то пишет на доске, распространяя запах железной дисциплины и барбарисовых «стекляшек».

С весны Нанами бросает курить. Видимо, он ничего не слышал о вреде сахара, так что в его карманах теперь постоянно шуршат конфетные фантики, но никому даже в голову не приходит над этим подшутить. Безопасней прыгнуть в вольер к белому медведю.

Словно очнувшись от поднятого нами гама, Кать-Михална быстро отводит взгляд от Нанами и с озабоченным видом начинает листать блокнот. Ну да, ну да. Как говорит моя тётя Эля: «Сердечные инвестиции в плохих мальчиков всегда уходят в дефолт, но почему-то хорошие девочки обожают этот неликвид».

До звонка минуты две. Я иду к нашему с Ликой столу во втором ряду у окна и...

На моем законном месте! Прямо там, где я сидела весь десятый класс! Развалился Артём Зацепин! Сидит, откинувшись на спинку стула, разглядывает Марка Львовича и афиши на стенах со снисходительным видом короля-льва: «Всё, на что падает солнечный свет – это твои владения...»

– Ты занял наш стол, – говорю, останавливаясь перед Артёмом, и голос мой звенит.

Он медленно поворачивает голову. Я чувствую, как его взгляд обжигает моё ухо, висок, щёку. Зацепин не смотрит мне в глаза – мимолётно морщится и фокусирует взгляд на переносице.

– Здесь нет именных табличек.

– Мы с Ликой сидим тут с восьмого класса, Зацепин. Поищи себе другое место!

– Нашедшему бонус, потерявшему опыт, – равнодушно отвечает он и снова начинает рассматривать афиши на стенах.

Только теперь я понимаю, что у него зелёные глаза. Между прочим, очень краси...

С грохотом ставлю на стол свой рюкзак и открываю рот, чтобы выдать очень громкую лекцию о правилах поведения для новичков. Но тут к столу с грацией опытного укротителя подходит Кать-Михална.

– Зацепин, Бойко, что это за территориальные войны?

Мы оба на миг тушимся. Кать-Михална не успевает продолжить – с другой стороны к столу подходит Фил и хлопает Зацепина по плечу:

– Тём, не надо. Я нашёл место получше, пойдём.

Кать-Михална приветливо улыбается Филу, я пытаюсь поджечь взглядом Зацепина, а тот лишь пожимает плечами, забирает свой рюкзак и уходит за другом.

Я сажусь на своё законное (нагретое негодяем!) место, и ярость благородная кипит в моей душе. Лика садится рядом и гладит меня по плечу.

В висок давит чей-то взгляд. Смотрю на трибуну.

Там Марк Львович перекачивает за щекой барбариску и задумчиво переводит глаза с меня на... слежу за его взглядом. На Зацепина! На лице Нанами ноль эмоций – только его обычная холодная аналитика. Человек увидел интересную комбинацию.

Вспоминаю, что специализация Зацепина – тоже организация мероприятий, как и у меня.

Нет, Марк Львович! Пожалуйста, нет!

В гам врывается мелодичная трель звонка, и Нанами тут же произносит:

– Доброе утро.

Голос у него низкий и негромкий, но когда он говорит, затихает абсолютно всё. Даже мухи не жужжат.

– Рад видеть тех, кто дотянул до одиннадцатого класса.

Марк Львович опирается о трибуну сухими ладонями.

– Я прекрасно помню, что для большинства присутствующих курс «Организация мероприятий» – не профильный. Я знаю, что большинство из вас учатся создавать гениальные сценарии, графику, продюсировать интернет-шоу, управлять личными брендами и прочим стайлингом.

Крылова едва слышно цокает языком. Про архитектуру и урбанистику Нанами даже не упомянул, и Ева воспринимает это как личное оскорбление. Она считает, что Марк Львович испытывает к ней особую неприязнь – совершенно напрасно: Марк Львович презирает всех учеников одинаково. И обращается ко всем одинаково, по фамилии и на «вы». От этого всегда такое ощущение, будто находишься не в классе, а на судебном процессе, причём судят тебя, а ты даже не знаешь, за что.

Нанами тем временем продолжает:

– С удовольствием огорчу вас: вникать в механику процессов по-прежнему будут все. В этом году я научу вас читать технические райдеры, составлять сметы и закладывать в планы риски на случай, если подрядчики уйдут в астрал. Вы научитесь заключать договора так, чтобы вас не засудили. Это база, и я добьюсь, чтобы она стала вашим автоматизмом, даже если это будет стоить мне остатков нервных клеток. Но глубина погружения у всех будет, разумеется, разной.

Нанами берёт с трибуны свой планшет, скользит по экрану пальцем.

Кать-Михална что-то строчит в блокноте с серьёзным лицом. Могу поспорить, на самом деле она рисует вензеля. Или портрет. Почему бы преподавательнице МХК не рисовать портрет в блокноте? Когда Марк Львович поворачивается или делает небольшую паузу, ручка Кать-Михалны замирает. Если он поворачивается в её сторону, она тут же отводит глаза.

Может, для кого-то это выглядит комично, но все мы любим Кать-Михалну и никогда не позволим себе дурацких ухмылочек.

– Большинство из вас в конце семестра сдаёт теоретический блок и тестирование по кейсам. Практическим продюсированием ивентов будут заниматься те, у кого моё направление – профильное.

Его серые, глубоко сидящие глаза медленно сканируют кабинет. В шестом классе от этого взгляда мне хотелось залезть под стол. Однажды я так и сделала. В общем, сейчас мне тоже хочется под стол, но там уже не поместятся моя огромная гордость и длинные ноги.

– Организация мероприятий, – продолжает Нанами, медленно проходя вдоль доски, – это не только и не столько музыкальная подборка, меню и конфетти в финале. В первую очередь мероприятие – это управляемый хаос. Ваши креативные идеи не стоят ничего, если вы не умеете считать мощности электросетей, рассчитывать плечо подвоза и тайминг на монтаж оборудования.

Мне кажется, от экрана идёт тепло. В воздухе мешаются горьковатый аромат эспрессо и сладко-кислый – барбариса.

Марк Львович крупно пишет на матовой доске два слова: «СМЕТА» и «РИСКИ».

– Многие из вас хотят рисовать афиши, снимать промо-ролики и писать тексты для мероприятий. Отличная новость: писать и рисовать вы будете. Плохая новость: в жестких рамках бюджета и технического задания...

Я конспектирую и зачем-то поглядываю на противного Зацепина.

Мне вовсе нет дела до того, что он ничего не пишет, только слушает. Но разве это не возмутительно – не конспектировать? Профильный же предмет!

В очередной раз косясь на Зацепина, плюхаюсь в его встречный взгляд. Артём не отводит глаз, а я дергаю подбородком и отворачиваюсь к доске.

– О-о, как искрит! – шепчет Лика, склоняясь к моему уху. – Между вами прямо электрические разряды. Очень кинематографично!

– Прекрати, – шиплю я. – Он несносный хам! Зачем он вообще к нам перевёлся?!

Лика хмыкает:

– А мне кажется, в нём есть харизма. Такая... колючая.

– Ага, как щетина у морской свиньи!

– Свинки.

Меня просто на автомате, неудержимо тянет снова посмотреть на Зацепина – надеюсь увидеть, как он уходит из класса навсегда! – но я останавливаю порыв, лишь чуть повернув голову.

Нанами это замечает. Продолжая говорить, смотрит на меня, потом на Зацепина. Зацепин, наверное, тоже смотрит на меня – висок горит.

Внутри всё закручивается в тугой узел. Хочется, чтобы несносный новичок растворился, перевелся в другую параллель, ушел на домашнее обучение – куда угодно, лишь бы не маячить на периферии зрения с этим высокомерным видом.

Я его вижу, даже когда не вижу.

На экране за спиной Нанами сменяется слайд – сметная таблица с кучей красных пометок.

– ...этот документ, – чеканит Марк Львович, разворачивая новую барбариску. – Посмотрим, как из-за одной розетки на тридцать два ампера рухнула концепция городского фестиваля...

Постепенно я увлекаюсь, погружаюсь в истории Нанами и конспект, на счастливые тридцать минут забывая о существовании Зацепина.

Когда Марк Львович выключает проектор, я словно просыпаюсь. Экраны гаснут, в кабинете остается только холодноватый свет сентябрьского солнца. Нанами пару секунд молча оглядывает класс, и мне снова хочется залезть под стол.

– Что касается практики. Большинство из вас в качестве зачёта будет сдавать теоретические блоки, анализировать чужие кейсы и выполнять небольшие задачи по своим основным направлениям.

Он медленно разворачивает очередную барбариску и переводит взгляд на меня.

– Что касается практического задания с реальной ответственностью и реальным бюджетом – она ждёт только тех, у кого ивент-менеджмент является профильным предметом.

...пауза, которую делает Нанами, способна вызвать аплодисменты у преподавателя театрального направления, а мне снова хочется залезть под стол...

– У нас таких учеников двое.

...я подумываю прикинуться мёртвой...

– Яна Бойко и наш новичок Артём Зацепин.

По классу пробегает гул, в ушах начинает звенеть. Лика что-то щебечет мне – не слышу.

Потом сквозь звон прорезаются слова Нанами:

– Ваш общий аттестационный проект: разработка, организация и полное продюсирование, – Марк Львович делает ещё одну драматическую паузу, покороче, – Хэллоуина.

Прижимаю ладони к горящим щекам. Хэллоуин – главная тусовка осени!

И, учитывая специфику нашей гимназии, это не просто школьная вечеринка для тридцати учеников параллели, десятка учителей и родителей, которых удастся заманить! Это масштабный, статусный проект, о котором я мечтала с шестого класса! Аттестационный проект, от которого зависит моя итоговая оценка по профильному направлению!

Я хочу поступить в МГУ на продюсерство, стать организатором больших культурных событий.

То есть, если я провалю Хэллоуин, это будет не просто «ой, неловко, запорола школьную тусовку». Это будет похоронный звон по моим планам на поступление!

Но почему Нанами поставил на проект лишь двух человек?

Мы обычно работали вшестером – нормальная полноценная команда ивентщиков из двух классов параллели!

А Хэллоуин – это же махина! Как, чёрт возьми, можно организовать такую тусовку вдвоём за два месяца?!

И почему Зацепин? Почему Зацепин, почему-у?!

Я бы лучше делала проект одна или с гориллой! С гориллой хоть есть шанс договориться!

– Предварительный концепт жду от вас семнадцатого сентября, – Марк Львович тыкает пальцем в планшет. – Остальным разошлю домашние задания в чате. Все свободны.

Внутри всё орет дурным голосом. Мой выпускной год, мой аттестационный проект – всё официально навернулось в пропасть в первый же учебный день!

Глава 4. Привет, сосед! Прощай, рассудок

Яна

На крыльце гимназии нас встречает ласковое солнце – похоже, сентябрь будет почти летним.

– Янчик, если нужна моя помощь – говори, я всегда помогу чем могу! – щебечет Лика.

– Ты же понимаешь, что Нанами меня съест, если я привлеку помощника?

– А мы никому не скажем!

– Правда? – о, как же я ей благодарна за поддержку!

– Ну конечно! Есть мысли, потом расскажу!

– Потом? – я вцепляюсь в ее рукав и делаю взгляд кота-в-сапогах. – Может, всё же прямо сейчас?

– Янчик, сейчас я должна срочно бежать! Но обещаю, помогу обязательно, можешь на меня положиться! – Лика коротко обнимает меня и действительно убегает.

Да уж, похоже, мои восторги были преждевременны.

Наверняка где-то рядом её ждёт Крылова. Меня царапает, мелко, глупо, шершавенько. Я всё понимаю: Лика всегда милая, Лика для всех своя, Лика балансирует...

Но почему я чувствую себя конфетным фантиком, который бросили на обочину?

Ни на кого не глядя, выхожу за ворота.

Иду по улице, стараясь наслаждаться солнышком, запахом старых остролистных кленов и лип, но почти сразу у меня появляется зудящее чувство между лопаток. Словно кто-то идет сзади и сверлит взглядом мою спину.

Ещё шаг, два, десять... Нет, ну невозможно же.

Останавливаюсь, оглядываюсь назад, делаю вид, что рассматриваю каблук.

Зацепин!

Идёт, сунув руки в карманы брюк, наушники висят на шее, походка расслабленная, сам какой-то расхристанно... щетинистый. Как морская свинья, да-да!

Сердце делает дурацкий кувырок. В голове моментально вспыхивает десяток версий, одна глупее другой. Он что, идёт за мной? Специально? Ему просто в ту же сторону? Нагнать хочет? Поругаться? Помириться? Обсудить концепт Хэллоуина, который непонятно как...

Ускоряю шаг, кошусь в стеклянные витрины. Зацепин сзади, кажется, тоже добавляет ходу. Чёрт!

Останавливаюсь у кофейни, делаю вид, что изучаю ценники на штендере. Шаги за спиной приближаются, и я вдруг понимаю, что если Зацепин пройдёт вперёд, то уже я буду плестись за ним. Кошмар!

Быстро отхожу от кофейни, ускоряю шаг.

Сердце стучит, в груди – мешанина из злости и смущения. Зачем ты тащишься за мной, как маньяк из дешёвого триллера?! Я поправляю волосы, тут же мысленно даю себе за это подзатыльник, снова закидываю рюкзак на плечо и практически бегом преодолеваю последний отрезок пути.

Во дворе тенисто и тихо. Я быстро подхожу к подъезду, достаю ключ и... Во двор входит Зацепин.

– Ты что, преследуешь меня?! – Я срываюсь и кричу. Бабульки на дальней лавочке заинтересованно оборачиваются, но мне плевать. – Ты придурок, что ли?

Зацепин подходит, совершенно невозмутимый, нога за ногу. Останавливается на первой ступеньке, смотрит на меня снизу вверх с таким искренним недоумением, будто я заговорила с ним на суахили.

– Я тебя даже не заметил. И вообще-то я здесь живу.

– Где «здесь»?!

– В этом подъезде.

Я даже не нахожу, что и ответить на такую очевидную, наглую ложь... но Артём поднимается по ступенькам, достает из кармана синий брелок домофона, прикладывает к панели. Дверь пищит. Зацепин тянет её на себя и как-то очень естественно, хотя без единой эмоции на лице, распахивает дверь передо мной. Идеально галантно.

– Прошу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.